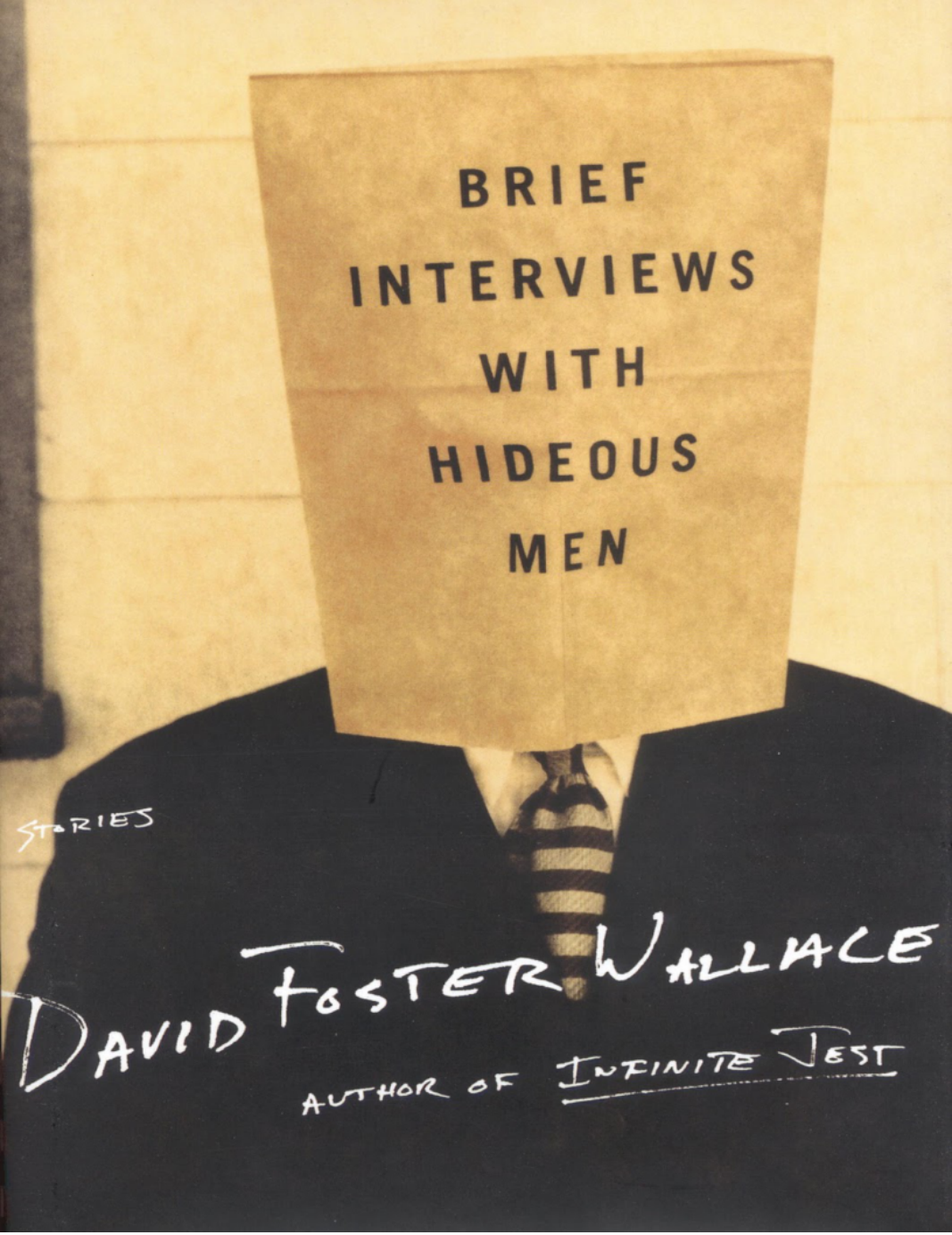
BRIEF
INTERVIEWS
WITH
HIDEOUS
MEN
STORIES
DAVID FOSTER WALLACE
AUTHOR OF INFINITE JEST

SHOUT
SHARE
IT

- Дэвид Фостер Уоллес
  -
  -

Дэвид Фостер Уоллес
Короткие интервью с отвратительными мужчинами

Радикально сжатая история постиндустриальной жизни

Когда их представили, он сострил, надеясь понравиться. Она натужно рассмеялась, надеясь понравиться. Потом они разъехались по домам, глядя перед собой, с одинаковыми гримасами.

Тому, кто их представил, они не нравились оба, хоть он и притворялся, отчаянно стараясь поддерживать хорошие отношения. Никто об этом не знал, сейчас да сейчас да сейчас да.

ТРЕНТОН НЬЮ-ДЖЕРСИ (ПОДСЛУШАНО)

B.I. #3 11-94

Р…: «В общем схожу последний как обычно и там все дела».

А…: «Ага просто сидишь и отдыхаешь на кресле до последнего и почему всем постоянно надо вскочить в ту же секунду что приземлились и толкаться в проходах и тупо стоишь с сумками весь истекаешь потом пять минут только чтобы…»

Р…: «Просто дождался и вышел с этого самолета и в такое знаешь место у ворот зона для встречающих и думаю как обычно возьму такси до…»

А…: «И вот кстати самое паршивое в наших командировках когда выходишь в зону для встречающих и видишь как всех встречают с визгами объятиями и водилы лимузинов держат имена на табличках и твоего имени там нет и я…»

Р…: «Заткнись блин на долбаную секунду а и послушай потому что к моему приходу там уже обычно пусто».

А…: «То есть говоришь люди к этому моменту уже в массе своей рассеиваются».

Р…: «Кроме одной девушки стоит высматривает народ из самолета и смотрит на меня а я на нее а там уже никого нет кроме нее, наши глаза встретились и все дела и что она делает она вдруг падает на колени рыдает целые фонтаны и все дела бьет кулаками по ковру царапает вырывает клочки и нитки из этой дешевки у которой низкополимерный клей перестает держать прям в день покупки и в итоге через пять лет утраивает их расходы на ремонт ну уверен ты и так это отлично понимаешь и вся свернулась бьет и рвет дешевку ногтями, так согнулась что ну знаешь почти даже сиськи видно. Полная истерика и с фонтанами и все такое».

А…: «Очередное теплое приветствие Дейтона за наши гребаные командировки, рады вас ви…»

Р…: «Нет дальше история разворачивается история когда я ну знаешь подхожу спросить Вы в порядке что случилось и все такое и заодно попялиться и должен сказать там просто охренительно чудесные сиськи под таким знаешь тугим обтягивающим трикотажным топом под курткой она на коленях сама себя по щекам хлещет и все наносит вред средней тяжести имуществу аэропорта и тут говорит мол парень в которого она влюбилась и все дела сказал мол тоже ее любит да только был уже помолвлен еще до их встречи и любви с первого взгляда и в общем туда-сюда слово за слово хреном по столу я подставляю плечо ее горю и наконец она рассказывает наконец тот парень чухнулся и наконец говорит что он покоряется любви к этой девчонке с сиськами и сделает предложение и говорит что поедет и скажет той девчонке в Талсе где он живет с которой помолвлен о девушке здесь и порвет с той из Талсы и наконец покорится и сделает предложение этой истеричке с сиськами которая его любит больше жизни и чувствует что у них родные „души“ ну и все эти девчачьи сопли и чувствует что вот наконец господи после этой полосы засранцев наконец радость наконец ей кажется она встретила парня которому может доверять и любить и сливаться „душами“ и всякие сопли и ванилька и л…»

А…: «И бла бла бла».

Р…: «Бла и говорит парень взял и полетел в Талсу чтобы порвать помолвку с первой девушкой как и обещал а потом прилететь обратно в объятия этой девушки с салфетками Клинекс и сиськами в Дейтоне у ворот с фонтанами из глаз и мол вечно ваш».

А…: «Ох будто мы не знаем что будет».

Р…: «Завали блин и мол он кладет руку на сердце все такое и

клянется что вернется к ней и будет на этом рейсе с таким-то номером а она клянется что будет там с сиськами его встречать, и говорит всем друзьям рассказала что наконец она влюбилась по-настоящему и что он порвет и вернется к ней и она вылизывает дом к его возвращению и фигачит себе прическу с таким спреем ну как они умеют и капает духами на свою ну ты знаешь зону и все дела обычная тема и надевает свои лучшие розовые джинсы я говорил что она в таких розовых джинсах и на каблучках что говорят трахни меня типа на миллионах языков мира…»

А…: «Хехе».

Р…: «К этому моменту мы уже в маленькой типа кофейне прямо напротив СШАйских ворот такая отстойная без кресел где приходится с дерьмовым кофе за два бакса стоять у столиков пока чемодан образцов и сумка и все говно лежит на дешевом кафеле который даже без подогрева и уже начинает загибаться по швам и все такое подаю ей Клинекс и подставляю плечо и все дела как она пропылесосила тачку и даже заменила маленький освежитель на зеркале заднего вида и притащила свою задницу в аэропорт вовремя чтобы встретить рейс номер такой-то на котором этот так называемый парень достойный доверия мамой блин клялся прилететь»

А…: «А парень засранец старой школы».

Р…: «Заткнись и вот она говорит что он даже звонил она получила звонок да пока она размазывает последнюю каплю по своей зоне и поливает спреем прическу чтобы тащить задницу в аэропорт телефон звонит и это тот парень и в трубке шипение и помехи и она говорит он говорит он звонит с небес и как это романтично звонит ей с самолета с телефона который висит на спинке кресла перед тобой в который надо карточку просовывать и говорит…»

А…: «На этих штуках наценка на шесть баксов в минуту просто рэкет и да плюс еще платить вдвое больше если звонишь в регион над которым летишь а потом перелетаешь в сосед…»

Р…: «Но я не об этом ты вообще будешь слушать я о том что эта девушка говорит как она приехала пораньше в зону у ворот в зону для встречающих и уже готовит свои фонтаны уже от любви и ванильки и признания и доверия и стоит говорит радостная и доверчивая как дурочка говорит и наконец прибывает рейс и мы всей толпой вываливаемся с этого самолета и его нет в первой волне и его нет во второй волне и народ теперь идет такими маленькими волнами кучками как будто этот самолет типа почти как посрал знаешь…»

А…: «Боже как вспомнить сколько раз я просидел в гребаном самолетном туа…»

Р…: «И говорит как полная дурочка она все не теряет веры все смотрит пялится на народ из-за плетеной веревки-ограждения такой темно-бордовой веревки из восьми типов нитей и с прикольными псевдобархатными кисточками и все обжимаются и все встречаются или идут к Багажу и все ждет что этот парень пойдет в следующей волне, кучке, а потом в следующей и в следующей и все такое, ждет».

А…: «Несчастная дуреха».

Р…: «Вот тогда в конце концов я схожу последним как обычно и никого после меня кроме экипажа они все тянут за собой эти мелкие милые одинаковые мелкие сумки эти мелкие милые сумки которые меня всегда почему-то бесят и в общем все и я последний и она…»

А…: «То есть ты говоришь это не из-за тебя она кричала и била по полу просто ты был последний и ты не тот засранец. Урод наверное даже звонок подделал, помехи если проведешь по трубке своей курткой Ремингтон получаются помехи похожие на…»

Р…: «И говорю тебе ты никогда не видал никого чтоб слова разбитое сердце ты думаешь это просто слова бла бла но посмотришь на эту девушку как она хлещет себя по щекам что была такой дурой так плачет что почти дышать не может и все дела, обхватывает себя трясется от рыданий бьет по столу с такой дурью что приходится чашку убирать чтоб не перевернулась и что мужики козлы и ее подруги говорили нельзя никому верить а она наконец встретила того кому думала можно реально доверять отдаться и покориться и жить и они правы, она дура, мужики просто козлы».

А…: «Вообще мужики козлы, тут ты прав, хехе».

Р…: «И я короче, я стою там держу кофе и я даже уже поздно и я даже не хочу эту хрень без кофеина подставляю плечо и душа у меня должен сказать душа у меня так и болит за эту девчонку с разбитым сердцем. И я клянусь друг ты в жизни не видал разбитого сердца как у той девчонки с сиськами, и я начинаю ей рассказывать что она права и что парень козел и даже ее не заслуживает и что это правда будто все мужики козлы и что у меня за нее душа болит и все такое».

А…: «Хехе. Ну и что потом было?»

Р…: «Хехе».

А…: «Хехехе».

Р…: «И ты еще спрашиваешь?»

А…: «Ах ты ублюдок. Ах ты засранец».

Р…: «Ну ты понял в смысле знаешь что в таких случаях полагается делать».

А…: «Ах ты засранец».
Р…: «Ну ты понял».

ОЗНАЧАЯ НИЧЕГО

А вот еще странная. Это было пару лет назад, мне было 19, я готовился съехать из дома родаков и жить сам по себе, и однажды, пока собирался, вдруг вспомнил, как в детстве отец один раз болтал членом у меня перед лицом. Воспоминание пришло, как гром среди ясного неба, но такое четкое и реалистичное — я сразу понял, что это правда. Я вдруг понял, что это действительно было, что это не сон, хотя и была такая причудливая странность, как во снах. Вот это внезапное воспоминание. Мне где-то 8 или 9 и я сижу один в гостиной, после школы, смотрю телик. Мой отец спустился и вошел в гостиную, и встал передо мной, типа между мной и теликом, ничего не говоря, и я ничего не сказал. И, ничего не говоря, он достал член и начал как бы болтать его у меня перед лицом. Помню, дома никого не было. Кажется, была зима, потому что в гостиной было холодно и я завернулся в мамин плед. Половина абсолютной странности случая, когда мой отец болтал членом у меня перед лицом, заключалась в том, что все это время он ни сказал ни слова (я бы вспомнил, если бы он что-то сказал), и в памяти не осталось ничего о том, каким было его лицо, ну какое было его выражение. Не помню, смотрел ли он вообще на меня. Я помню только его член. Член как бы завладел моим вниманием. Он просто как бы поболтал им у меня перед лицом, не сказав ни слова, ни добавив какого-либо комментария, встряхнул его как бы, как трясут в туалете, ну как когда стряхивают, но, в то же время, было что-то угрожающее, даже унижающее в этом действии, это я тоже помню, будто член был кулаком, который он сунул мне под нос, и помню, я сидел, завернутый в плед, и не мог встать или отодвинуться от члена, и все, что я, помню, делал — отодвигал голову, чтобы убрать его от лица (член). Это один из тех совершенно причудливых случаев, которые настолько странные, что они словно не происходят даже когда происходят. Единственный раз до этого, когда я видел член отца — в раздевалке. Помню, как я двигал туда-сюда головой, не шевелясь сам, а член как бы следовал за мной туда-сюда, и в моей голове мелькали самые причудливые мысли, типа, «Я двигаю головой как змея» и т. д. Это был не стояк. Помню, член был чуть темнее, чем его тело, и большую уродливую вену на его боку. Маленькая

дырочка на конце казалось очень узенькой и злой, и она открывалась и закрывалась, когда отец болтал членом, угрожающе целя мне в лицо, куда бы я не отодвинул голову. Такое воспоминание. И когда оно пришло (воспоминание), я бродил по дому родаков с туманом в голове, как после контузии, просто пораженный, никому об этом не рассказывал, ничего не спрашивал. Я знаю, что это единственный раз, когда отец делал что-то в этом роде. Я это вспомнил, когда упаковывался, искал у складов старые коробки для переезда. Иногда я ходил по дому родаков в шоке, очень странно себя чувствуя. Все думал о внезапном воспоминании. Вошел в комнату родаков, потом спустился в гостиную. В гостиной уже стоял домашний кинотеатр вместо старого телика, но мамин плед еще был там, раскинутый на спинке дивана. Тот же плед, что и в воспоминании. Я пытался понять, зачем отец решил так поступить, о чем он мог думать, что он как бы этим имел в виду, и пытался вспомнить, мелькали на его лице в это время хоть какие-то эмоции.

Но дальше больше, потому что наконец я, в день, когда отец взял выходной и мы встретились и взяли на прокат фургон для моего переезда, я, наконец-то, по дороге домой из фирмы по прокату, рассказал об этом и спросил его. Спросил прямо. Вряд ли к такому можно постепенно подвести. Папа заплатил за фургон с карточки и он же вел его до дома. Помню, радио в фургоне не работало. И там, как (с его точки зрения) гром среди ясного неба я вдруг рассказал отцу, что совсем недавно вспомнил день, когда еще был маленьким, и он спустился и поболтал членом у меня перед лицом, и типа вкратце описал, что помню, и спросил: «Это что была за хрень?» Когда он лишь продолжал вести и ничего не сказал и не сделал в ответ, я настаивал и снова рассказал о том случае и снова задал те же вопросы. (Я притворился, что он, быть может, не расслышал в первый раз). И что потом делает отец — мы в фургоне, уже рядом от нашего пункта назначения, дома родаков, чтобы я переезжал жить один — он, не убрав рук с руля и не шевельнув ни единым мускулом, кроме шеи, повернулся на меня, и одарил таким взглядом. Не злой взгляд, и не удивленный, если бы он подумал, что не расслышал. Он не говорит как бы «Да что с тобой, мать твою», или «А ну проваливай нахрен», ничего из того, что говорит, когда злится. Они не сказал ни слова, однако этот его взгляд сказал все, типа он поверить не может, что слышал, как я сморозил такую херню, типа он отказывается верить, и что это омерзительно, типа он не только ни разу в жизни не болтал передо мной в детстве членом без причин, но и сам факт, что я мог, блин, представить, что он болтал передо мной членом, а потом типа поверить в это, а

потом появиться перед ним в арендованном фургоне и типа обвинять его. И т. д. и т. д. Взгляд, с которым он отреагировал и которым одарил в фургоне по дороге, когда я сказал о воспоминании и прямо о нем спросил — вот что стало для меня последней каплей в отношениях с отцом. Этот взгляд, которым он, медленно повернувшись, меня одарил, говорил, что он меня стыдится, и даже стыдится, что я вообще его родная кровь. Представьте, будто вы в огромном шикарном ресторане с дресс-кодом или на банкете, с отцом, и будто, типа, вы внезапно лезете на банкетный стол и снимаете штаны и срете прям на стол, у всех в ресторане на глазах — вот таким взглядом вас одарит ваш отец, если вы это сделаете (посрете). Вроде бы это тогда, в фургоне, я почувствовал, что готов его прибить. На секунду я почувствовал, что хочу, чтоб вагон раскрылся и целиком меня поглотил, так мне стало стыдно. Но что я почувствовал через долю секунды, так это что я настолько в бешенстве, что готов его прибить. Странно: само по себе воспоминание меня не злило, только поражало, как после контузии. Но тогда в том фургоне, когда отец даже ничего не сказал, а только в тишине довез до дома, не убирая рук с руля, и этот взгляд в ответ на мой вопрос — вот это меня взбесило. Я всегда думал, что когда говорят, будто в бешенстве глаза застилает красное — это только фигура речи, но это правда. Загрузив свое дерьмо в фургон, я уехал и больше чем на год порвал все связи с родаками. Ни слова. Моя квартира — в том же городе — была, может, в паре километров от них, но я им даже телефонного номера не сказал. Притворялся, что их нет. Настолько мне было противно и обидно. Мама понятия не имела, почему я порвал все связи, но я вовсе не собирался все это объяснять, и знал, просто охренеть как был уверен, что отец тоже ей ничего не рассказывал. Месяцами у меня перед глазами стояло красное марево, когда я переехал и порвал все связи, ну или как минимум розоватое. Я уже редко думал о воспоминании об отце, болтающего членом передо мной в детстве, но ни дня не проходило, чтобы я не вспомнил тот его взгляд в фургоне, когда я повторил воспоминание. Я хотел его убить. Месяцами думал придти домой, когда никого нет, и ввалить ему люлей. Сестры понятия не имели, почему я порвал с родаками, и говорили, что я, наверное, сошел с ума, и что я разбиваю маме сердце, и когда я им звонил, постоянно несли бред (пиздили) о том, как я, не объясняя, порвал все связи, но я был в бешенстве, я знал, что умру, но никому не скажу об этом говне ни слова. Не потому, что я трус, но я был настолько, блин, в бешенстве, что казалось, типа, если я об этом упомяну и увижу какой косой взгляд, случится что-то ужасное. Почти каждый день я представлял, как прихожу

домой и вваливаю ему люлей, и отец все спрашивает, за что, что это значит, а я ничего не скажу, и ни взглядом, ни единым мускулом не отвечу, только буду его в кровь избивать.

Потом, когда минуло время, я мало-помалу успокоился. Я до сих пор знал, что воспоминание об отце, болтающем членом передо мной в гостиной, было реальным, но, мало-помалу, начал осознавать, что раз я помню об этом случае, о нем необязательно помнит отец. Я начал понимать, что, может быть, он целиком забыл тот случай. Возможно, что случай был настолько странным и необъяснимым, что отец психологически заблокировал его в памяти, и когда я как (с его точки зрения) гром среди ясного неба рассказал об этом в фургоне, он даже не вспомнил, что делал что-то настолько причудливое и необъяснимое, как войти в гостиную и болтать членом перед маленьким ребенком, и подумал, что я свихнулся нахрен, и одарил взглядом, говорящим, что ему омерзительно это слышать. Не то что бы я целиком поверил, что отец об этом не помнит, но скорее я признавал, мало-помалу, что, возможно, он это заблокировал. Мало-помалу начинало казаться, что мораль воспоминаний о подобных случаях — возможно все. Через год я дошел до состояния, когда решил, что если отец желает забыть о том, как я рассказываю о воспоминании в фургоне, и никогда не слышать о нем, то и я желаю все забыть. И я был просто охренеть как уверен, что больше никогда об этом не скажу. Я дошел до этой мысли в начале июля, точно перед Четвертым июля, а еще это день рождения моей младшей сестры, и потому как (для них) гром среды ясного неба я позвонил родакам и спросил, можно прийти на день рождения сестры и посидеть с ними в особом ресторане, куда мы обычно ходили на ее день рождения, потому что она его обожает (ресторан). Ресторан — он в центре нашего городка, итальянский, довольно дорогой, и там в основном темный, деревянный декор, и меню на итальянском. (Наша семья не итальянская). Иронично, что именно в этом ресторане на день рождения я собирался снова наладить контакт с родаками, потому что когда я был маленьким, по нашей семейной традиции это был мой «особый» ресторан, куда меня всегда водили отмечать день рождения. Я в детстве откуда-то взял себе в голову, что ресторан принадлежит Мафии, которую я в детстве просто обожал, и всегда донимал родаков, чтобы меня туда сводили хотя бы на день рождения — пока, мало-помалу, вырастая, я его не перерос, а потом он как-то стал особым рестораном моей младшей сестры. Типа она его унаследовала. Там красно-черные клетчатые скатерти, а все официанты похожи на солдатов Мафии, и на ресторанных столиках там всегда пустые винные бутылки со свечками в

горлышке, которые таяли и на боках бутылки оставался разноцветный воск в виде линий и разных узоров. В детстве, помню, у меня была странная привязанность к винным бутылкам со следами высохшего воска, и меня часто, раз за разом, одергивал отец, чтобы я не сковыривал воск. Когда я приехал в ресторан, в пиджаке и галстуке, они уже все собрались, сидели за столом. Помню, мама очень оживилась и была очень рада просто меня увидеть, и я понял, что она готова забыть год молчания, так рада была увидеть всю семью в сборе.

Отец сказал: «Ты опоздал». На его лице ноль эмоций. Мама сказала: «Боюсь, мы уже все заказали, это ничего».

Отец сказал, что они уже сделали заказ за меня, потому что я немножко запоздал.

Я сел и с улыбкой спросил, что мне заказали.

Отец сказал: «Жареный цыпленок, мать тебе заказала».

А я сказал: «Но я ненавижу курицу. Всегда ненавидел. Как вы забыли, что я ненавижу курицу?»

Мы все глядели друг на друга с миг, за столом, даже младшая сестра, даже ее бойфренд с прической. Один длинный нескончаемый миг все смотрели друг на друга. Тут официант принес всем цыпленка. Тогда отец улыбнулся, показал мне кулак в шутку и сказал: «А ну проваливай нахрен». Тогда мама приложила руку к груди, как делает, когда боится, что будет слишком сильно смеяться, и рассмеялась. Официант поставил передо мной тарелку, и я притворился, что смотрю на нее, скорчив рожу, и все рассмеялись. Хорошо было.

B.I. #40 06–97 БЕНТОН РИДЖ ОГАЙО

Это рука. Не подумаешь, что она вклад, да. Но это рука. Хотите посмотреть? Не станет противно? Ну вот она. Вот рука. Вот почему меня все зовут Однорукий Джонни. Я эту кличку сам придумал, не то что бы кто-то, типа, издевался — я. Я вижу, что вы пытаетесь быть вежливой и не смотреть на нее. Но ничего, давайте, смотрите. Меня не волнует. Про себя я не зову ее рукой, зову Вкладом. Как бы вы ее описали? Давайте. Думаете, я обижусь? Хотите, чтобы я сам описал? Как будто рука передумала в самом начале игры, пока была в мамином животике с остальными моими частями. Больше похожа на малюсенький плавничок, маленькая, влажная на вид и темнее меня. Она кажется влажной даже когда сухая. Не самый приятный вид. Обычно держу ее в рукаве, пока не настает пора достать и

использовать ее как Вклад. Заметьте, что плечо нормальное, как и второе. Только рука. Доходит только где-то до сосочка у меня на груди, видите? Маленькая сволочь. Неприятная. Двигается нормально, я нормально ей двигаю. Если присмотреться внимательней, тут на конце такие мелкие пупырки, можно догадаться, что они хотели стать пальцами, но не сформировались. Когда был в ее животике. Другая рука — видите? Нормальная, мускулистая, так как я пользуюсь только ею. Нормальная и длинная, и нужного цвета, эту руку я всегда держу на виду, в основном другой рукав подтыкаю так, будто там нет вовсе никакой руки. Но она сильная. Рука, то есть. Глаза режет, но она сильная, иногда я соревнуюсь в армрестлинге, чтобы показать ее силу. Сильный сволочной плавничок. Ну если решат, что смогут до нее дотронуться. Я всегда говорю, что если они не решатся ее трогать, то ничего, мне не обидно. Хотите потрогать?

Вопрос.

Нормально. Нормально.

Вопрос.

Вот в чем дело: ну во-первых, тут всегда легко найти девушек. Понимаете, о чем я? Тут, у литейного, в боулинге Лейнс. Там ресторанчик прям в одной автобусной остановке отсюда. Джекпот — это мой лучший друг — Джекпот и Кенни Кирк — Кенни Кирк его двоюродный брат, Джекпота, они оба зашибают больше меня в литейной, потому что я закончил школу и не вступил потом в профсоюз — они реально красавцы, нормальные, Хорошо Обращаются с Женским Полом, если понимаете, о чем я, и там всегда зависают девчонки. Мы группой, такой бандой или группой, мы просто тусим там, попиваем пиво. Джекпот и Кенни всегда встречаются то с одной, то с другой, а у тех обязательно есть подружки. Ну знаете. Нас там целая, скажем, компания. Улавливаете ситуацию? И я начинаю тусить с той или другой, и через некоторое время — первая стадия, я рассказывать им как получил прозвище Однорукий Джонни и про руку. Это первая стадия проекта. Проекта перепихнуться при помощи Вклада. Я описываю им руку, пока она еще в рукаве, и рассказываю так, будто это самая уродливая хрень в мире. У них тут же такой вид типа Ох Бедняжка Ты Слишком Жесток К Себе Не Надо Стыдиться Руки. И тэ дэ. Какой я приятный молодой человек и им очень жаль слышать как я так говорю о себе тем более я не виноват что родился с рукой. Когда они начинают так говорить на этой стадии, следующая стадия — спросить, не хотят ли они на нее взглянуть. Я говорю как стыжусь руки но почему-то доверяю им и они кажутся хорошими и если хотят я раскрою рукав и достану

руку и дам им посмотреть на руку если они считают что смогут вынести ее вид. Все говорю о руке, пока они уже не могут о ней слушать. Иногда бывшая Джекпота начинает тусить со мной от Фрейм Элевен до Лейнса и говорить какой я хороший слушатель и чувствительный не то что Джекпот или Кенни и она поверить не может что рука настолько ужасна как я говорю и все такое. Или мы зависаем у нее на квартире в кухоньке или еще где и я говорю Тут Так Жарко Я бы Снял Рубашку Но Не Хочу Так Как Стыжусь Своей Руки. Есть несколько, типа, стадий. Никогда не называю ее вслух Вкладом, можете поверить. Давайте, потрогайте, где хотите. Одна из стадий — я знаю, что через некоторое время начинаю пугать девушку, это ясно, ведь я только и говорю о руке и какая она влажная и плавниковая но и какая сильная но я готов взять и умереть если какая-нибудь красивая добрая и идеальная девушка, вроде как мне кажется ее увидит руку и ужаснется и ясно что все эти разговоры начинают их пугать и они начинают втайне думать что я какой-то лузер но бросить меня не могут, ведь в конце концов они все это время говорили всякую милую хрень про то что я чувствительный молодой человек и как мне не надо стыдиться и не может быть что рука настолько ужасна. На этой стадии они типа зажаты в угол и если бросят со мной зависать то знают что я скажу Это Все Из-за Руки.

Вопрос.

Обычно около двух недель, где-то так. А дальше критическая стадия, когда я показываю руку. Жду, пока где-нибудь останемся только я и она, и вытаскиваю эту сволочь. Представляю все так будто это они меня уговорили и теперь я им доверяю и они — именно те перед кем я могу наконец раскатать рукав и показать. И показываю, как вам сейчас. Есть еще пара дополнительных приемов, как сделать ее еще страшнее, сделать — видите? Вот тут, видите? Это потому что тут даже не настоящий локоть, только…

Вопрос.

Или какие-нибудь вязкие мази навроде Вазелина, чтобы сделать ее более влажной и блестящей. Точно говорю, далеко не самый приятный вид, когда вытаскиваю ее перед ними. Их чуть ли не тошнит от вида, как я ее достаю. О и парочка убегает, некоторые теряются по дороге. Но большинство? А большинство из них пару раз тяжело сглатывает и говорят О Она Она Не Такая Уж Страшная а сами отворачиваются и стараются не смотреть мне в лицо а я как раз нацепляю совершенно застенчивое и испуганное и доверчивое выражение я даже могу сделать так например чтобы губа немножко дрожала. Виие? Виие ах? И рано или поздно в течение где-то пяти минут они берут и плачут. Они

не знают, что делать, понимаете. Они же, типа, уже зажаты в угол своими словами что она не может быть так ужасна и мне не надо стыдиться а теперь видят и я вижу и она уродская, уродская уродская уродская, и что им теперь делать? Притворяться? Черт милочка да большинство этих девиц думают, что Элвис еще где-то там жив. От них не стоит ждать чудес логики. И каждый раз они тут ломаются. Им еще хуже, когда я спрашиваю О Боже Что Случилось, почему они плачут, это все из-за Руки, а им приходится говорить Не Из-за Руки, приходится, приходится притворяться, что это не из-за руки, просто им очень жалко меня что я стыжусь хотя это не такая уж и беда, так им приходится говорить. Частенько пряча лица в ладонях и плача. Кульминационная стадия — когда я беру и подхожу к ней, сажусь рядом и теперь это я их утешаю. И, типа, важный фактор, до которого я дошел горьким опытом — это когда подхожу их обнять и утешить, обнимаю я со здоровой стороны. Больше не показываю Вклад. Вклад снова в тепле и уюте в своем рукаве. Они разрыдались, а я теперь их обнимаю здоровой рукой и говорю Ничего Не Плачь Не Надо То Что Тебе Не Противна Рука Значит Для Меня Очень Очень Много Разве Ты Не Видишь Ты Освободила Меня От Стыда За Руку Спасибо Спасибо и тэ дэ пока они уткнулись лицом мне в шею и просто плачут и плачут. Иногда и меня до слез доводят. Следите за ходом мысли, да?

Вопрос…

Вижу больше пелоток, чем толчок, блин. Без б. Пойдите и спросите Джекпота и Кенни, если хотите. Это Кенни Кирк назвал ее Вкладом. Сами спросите.

К.И. #42 06–97 ПЕОРИЯ ХАЙТС ИЛЛИНОЙС

Мягкое шлепанье. Легкий шепот. Тихие невольные кряхтенья. Особый вздох старика у писсуара, когда он готовится, ставит ноги, целится и испускает вечный вздох, которого, понятно, сам он не слышит.

Таково его окружение. Шесть дней в неделю он стоит там. По субботам двойная смена. Звонкое, как иглы и гвозди, ощущение мочи о воду. Невидимое шуршание газет на голых коленях. Ароматы.

Вопрос.

Лучший исторический отель штата. Роскошнейший холл, роскошнейший мужской туалет меж двух побережий, вне всяких сомнений. Мрамор доставлен из Италии. Двери кабинок из

высушенной вишни. С 1969 он там. Светильники рококо и резные раковины. Шикарно и гулко. Гигантская шикарная гулкая комната для мужчин и дела, сущностных мужчин, мужчин, которые покупают и продают. Ароматы. Не спрашивайте об ароматах. Разница в некоторых мужских ароматах, схожесть во всех мужских ароматах. Все звуки усиливаются плиткой и флорентийским камнем. Стоны простатиков. Шорох раковин. Резкое отхаркивание от мокроты, взрывной и фарфоровый плевок. Звук дорогих туфлей по доломитовой плитке. Рык в паху. Отвратительные грохочущие разрывы газа и звук чего-то падающего в воду. Полураспыленного под перенесенным давлением. Твердое, жидкое, газообразное. Все ароматы. Аромат как окружение. Целый день. Девять часов в день. Стоит в белом, как мороженое. Все звуки преувеличены, слегка раскатисты. Мужчины входят, мужчины выходят. Восемь кабинок, шесть писсуаров, шестнадцать раковин. Посчитайте. О чем они думали?

Вопрос…

Вот где он стоял. В центре акустики. Где раньше была стойка чистильщика обуви. В специальном месте между концом раковин и началом кабинок. Место, созданное именно для него. Око бури. Сразу после длинного зеркала над раковинами — раковин из флорентийского мрамора, шестнадцать резных чаш, листья золотой фольги вокруг светильников, зеркало из датского стекла. Где истинные мужчины выковыривают вещество из уголков глаз и выжимают поры, сморкаются в раковины и выходят не смыв. Он стоит целый день с полотенцами и небольшими футлярами индивидуальных личных принадлежностей. В шепоте трех вентиляционных отверстий слабый след бальзама. Печальная песнь вентиляции неслышна, пока комната не опустеет. Он стоит там и когда пусто. Это его работа, его карьера. Всегда одет в белое, как массажист. Простая белая рубашка Hanes и белые штаны и теннисные туфли, которые приходилось выкидываться, если посадишь хоть пятнышко. Он забирает их чемоданы и пальто, сторожит, помнит, что чье, не спрашивая. При такой акустике говорит как можно меньше. Возникает у локтей мужчин, чтобы протянуть полотенце. Бесстрастие до исчезновения. Вот карьера моего отца.

Вопрос…

Хорошие двери кабинок не доходят до пола на полметра — почему так? Откуда такая традиция? Произошла от лошадиных стойл? Поэтому слово «stall» (кабинка) связано с «stable» (стойло)? Хорошие кабинки дают только визуальное уединение и больше ничего. Более того, они усиливают звуки изнутри, словно рупор. Слышно все. Бальзам, подслащая, только ухудшает запахи.

Под дверями кабинок виден ряд дорогих туфель. После ланча кабинки заняты. Длинная прямоугольная рамка с туфлями. Кто-то притоптывает. Кто-то напевает, разговаривает вслух сам с собой, забыв, что он не один. Ветры, кашель и сочные всплески. Дефекация, экскреция, извержение, облегчение, очищение, испражнение. Узнаваемый грохот роликов с туалетной бумагой. Редкий щелчок ножниц для ногтей или депиляции. Истечение. Эмиссия. Опорожнение, мочеиспускание, деуринация, парурия, выделение, катарсис — столько синонимов: почему? что мы пытаемся себе сказать всеми этими словами?

Вопрос…

Обонятельный шум одеколонов, дезодорантов, тоников для волос, восков для усов разных мужчин. Богатый букет иностранного и немытого. Некоторые туфли кабинок касаются своих напарников нерешительно, приблизительно, словно принюхиваясь. Влажный шорох ягодиц по мягким сиденьям. Легкий пульс в каждой чаше унитаза. Маленькие комашки, пережившие смыв. Бесконечное журчание и капель писсуаров. Индольный запах разложившейся пищи, экзокринный привкус от рубашек, уремический бриз за каждым смывом. Мужчины, что смывают ногой. Мужчины, что дотрагиваются до ручки только через салфетку. Мужчины, что вытягивают бумагу из кабинок за собой, как хвост кометы, бумага зажата в их анусе. Анус. Слово анус. Анусы нуворишей пристраиваются над водой в унитазах, сжимаясь, сморщиваясь, растягиваясь. Мягкие лица грубо перекашиваются из-за напряжения. Старики, которым требуется вся возможная жуткая помощь: опустить и усадить чресла мужчины, подтереть мужчину. Тихо, безмолвно, бесстрастно. Обтряхнуть плечи мужчины, обмахнуть мужчину, убрать лобковый волос из складки брюк мужчины. За мелочь. На объявлении все сказано. Мужчины, что дают чаевые, мужчины, что не дают. Нельзя исчезнуть полностью, иначе о нем забудут, когда дело дойдет до чаевых. Секрет его поведения — появляться лишь временно, существовать тогда и только тогда, когда он нужен. Помощь без вторжения. Услуга без слуги. Ни один мужчина не хочет знать, что другой мужчина его нюхает. Миллионеры, что не дают чаевых. Опрятные мужчины, что побрызгивают в унитаз и подают пятицентовик. Наследники, что воруют полотенца. Магнаты, что ковыряются в носу большим пальцем. Филантропы, что бросают окурки сигар на пол. Из грязи в князи, что плюют в раковину. Дико богатые, что не смывают и, не задумываясь, оставляют смывать другому, потому что к этому они и привыкли — как говорится, Чувствуйте себя как дома.

Он отбеливал рабочую форму сам, тщательно утюжил. Ни

слова жалобы. Бесстрастно. Такой человек, что может простоять на одном месте весь день. Иногда здесь, в кабинках, видны даже пятки туфлей блюющих. Слово блевать. Сами слово. Мужчины, которых тошнит в помещении с акустикой. Все беспощадные звуки, в которых он стоял каждый день. Попробуйте представить. Мягкая брань мужчин с запором, мужчин с колитом, кишечной непроходимостью, раздраженным кишечником, лиэнтерией, диспепсией, дивертикулитом, язвой, кровавым поносом. Мужчины с колостомами дают ему пакеты на очистку. Конюший человека. Неслышимый, слышит. Видимый лишь по нужде. Легкий кивок, что в мужском туалете и признание, и отсрочка одновременно. Жуткие метастазовые ароматы континентальных завтраков и деловых ужинов. Когда мог — двойная смена. Кусок хлеба, кров, детям на учебу. Его ступни раздулись от стояния. Его голые ноги стали бланманже. Он принимал душ трижды в день, оттирался дочиста, но работа всюду следовала за ним. Ни слова.

На двери сказано все. МУЖСКОЙ (Мужчины). Я не видел его с 1978 и знаю, что он еще там, весь в белом, стоит. Прячет глаза, дабы сохранить их достоинство. А его собственное? Его пять чувств? Как звали тех трех обезьян? Его задача — стоять там, будто он не там. Не на самом деле. Есть секрет. Смотреть на особое ничего.

Вопрос.

Я узнал это не в мужском туалете, заверяю.

Вопрос…

Представьте: не существовать, пока не понадобишься мужчине. Быть здесь, но не быть здесь. Добровольная прозрачность. По необходимости здесь, условно здесь. Как говорится, Жить чтобы служить. Его карьера. Кормилец. Каждое утро в шесть, поцеловать нас на прощанье, тост перекусить в автобусе. В перерыв он мог поесть по-настоящему. Посыльный сбегает в гастроном. Давление порождает давление. Роскошные отрыжки дорогостоящих ланчей. На зеркале остатки кожного сала и гноя и высморканного детрита. Двадцать-шесть-нет-семь лет на одной службе. Степенный кивок, с которым он получал чаевые. Неслышное спасибо завсегдатаям. Иногда имя. Все эти массы, что вываливаются из всех этих огромных мягких теплых толстых влажных белых анусов, напряженных. Представьте. Присутствовать при стольких испражнениях. Видеть мужчин самой сути в их первооснове. Его карьера. Профессионал.

Вопрос.

Потому что он приносил работу домой. Лицо, которое он надевал в мужской уборной. Он не мог его снять. Его череп подогнался под лицо. Это выражение или точнее отсутствие

выражения. Слуга и не больше. Начеку но нигде. Его лицо. Больше чем сдержанное. Словно вечно хранит себя для грядущего заказа.

Вопрос…

Я никогда не ношу белого. Ни одной белой вещи, всячески заверяю вас. Я испражняюсь либо в тишине, либо не испражняюсь. Даю чаевые. Я никогда не забываю, что здесь кто-то есть.

Да, и восхищаюсь ли я силой духа этих скромнейших из рабочего класса? Стоицизмом? Выдержкой Старого Света? Стоять здесь все эти годы, не пропустив по болезни ни дня, служить? Или я презираю его, гадаете вы, чувствую отвращение, пренебрежение к любому, кто стоит, исчезнув себя, в миазмах и выдает полотенца за мелочь?

Вопрос.

…

Вопрос.

А какой еще раз был выбор?

ДЬЯВОЛ ЧЕЛОВЕК ЗАНЯТЫЙ

Три недели назад я кое-кому сделал приятное. Не могу сказать больше, иначе поступок лишится истинной, высшей ценности. Могу только сказать: добрый поступок. Для контекста поясню, что он связан с деньгами. Не в смысле просто «дать денег» кому-то. Скорее это можно расценивать как «переместить» денежный актив кому-то в «нужде». Для меня это настолько подробно, насколько возможно.

Совершенный мной добрый поступок случился две недели, шесть дней назад. Также могу упомянуть, что меня не было в городе — то есть, другими словами, меня не было там, где я живу. Объяснения, почему меня не было в городе, или где я был, или в чем заключалась общая ситуация, к сожалению, поставит под угрозу ценность того, что я сделал. Могу лишь упомянуть, что я был с одной дамой, дабы получатель денег ни в коем случае не мог догадаться, кто их ему занял. Я предпринял некоторые шаги, чтобы моя безымянность стала одной из важных моментов структуры операции, которая привела к перемещению денег. (Хотя деньги были, технически, не мои, но тайная операция, благодаря которой я их занял, совершенно законна. Возможно, кто-то удивится, каким образом деньги были не «мои», но, к

сожалению, я не в состоянии объяснить детали. Однако это правда). И вот причина. Отсутствие безымянности с моей стороны уничтожило бы ценность доброго поступка. То есть это подкосило бы «мотивацию» моего жеста — то есть, другими словами, важным фактором моей мотивации стала бы не щедрость, а желание благодарности, любви и одобрения. Увы, этот эгоистичный мотив лишил бы добрый поступок любой вечной ценности и положил бы конец моим стараниям расцениваться как хороший или «добрый» человек.

Таким образом, я занял бескомпромиссную позицию относительно секретности моего имени в операции, и дама, у которой я был, единственная обладающая какой-либо информацией о договоре (она из-за своей работы может быть расценена как «инструмент» в перемещении денег), уступила, насколько мне известно, этому требованию.

Две недели пять дней спустя один из людей, в отношении которых я совершил добрый поступок (щедрое перемещение фондов предназначалось этим двум людям — точнее, супружеской паре в законном браке — но лишь один из них позвонил) позвонил и сказал «алло», и не знаю ли я случайно, кто ответственен за _____, поскольку он лишь хотел сказать этому человеку «спасибо!» и каким за божьим даром оказались эти _____ долларов, которые пришли, казалось бы, словно из ниоткуда из _____ и т. д.

Тотчас, дальновидно предусмотрев такую возможность, предварительно, я сказал, холодно, без эмоций, «нет», и что они лают совершенно не на то дерево, насколько мне известно. Однако внутренне я едва не умирал от искушения. Как хорошо известно, очень трудно сделать кому-то приятное и отчаянно не желать, чтобы они не знали, что личность человека, сделавшего это для них — вы, дабы почувствовать благодарность и одобрение и рассказать миллионам людей о том, что вы «сделали», чтобы стать широко известным как добрый человек. Как и силы тьмы, зла и безнадежности, это искушение часто может подавить всякое сопротивление.

Таким образом, импульсивно, во время этого благодарного, но и любознательного звонка, не предвидя никакой опасности, я сказал, после слов — в очень холодном тоне — «нет» и «не то дерево», что, хотя я и не имею информации, я мог бы легко представить, что такой таинственный человек, который на самом деле ответственен за _____, горел бы энтузиазмом узнать, как столь необходимые деньги, что они получили, будут потрачены — то есть, например, планируют ли они теперь страховку здоровья для их новорожденного малыша, или погасят

задолженность по потребительскому кредиту, в коем они глубоко погрязли, или и т. д.?

Мой интерес, однако, был, всего в один фатальный миг, истолкован собеседником как косвенный намек от меня, что я, несмотря на предшествующие отрицания, разумеется, тот человек, что ответственен за щедрый, добрый поступок, и он в продолжение всего разговора стал щедр на детали о том, как они собираются потратить деньги на свои конкретные нужны, подчеркивая «боже-дарность», с тоном, передающим как благодарность, одобрение, так и что-то еще (если точнее, что-то практически враждебное, или пристыженное, или и то, и другое, хотя я и не могу подробней описать тон, который вызвал в моей памяти эту эмоцию). Благодаря водопаду эмоций с его стороны я, — к ужасу моему, слишком поздно — осознал, что только что, во время звонка, не только дал ему понять, что именно я ответственен за столь щедрый поступок, но и сделал это в тонкой, хитрой манере, которая показалась туманчиво эвфемистической, то есть применив эвфемизм: «кто бы ни был ответственен за _____», который, совместившись с проявленным мной интересом к «применению» денег, очевидно указывал на меня как истинно ответственного, но при этом вызвав мысль, вероломно, допускающую, что я не только тот, кто совершил такой щедрый и добрый поступок, но также что я очень «добрый» — то есть, другими словами, «скромный», «бескорыстный», «не движим желанием их одобрения» — человек, тогда как я даже не желал, чтобы они знали, что это я ответственен. И я, увы, выдал эти намеки так «хитро», что даже сам, до дальнейшего — то есть, до окончания разговора —, не понял, что наделал. Таким образом я проявил подсознательную и, кажется, естественную, автоматическую способность обманывать и себя, и других людей, что на «мотивационном уровне» не только совершенно лишило щедрый поступок, что я пытался совершить, всякой ценности и положило конец моим искренним стараниям быть тем, кого можно расценить как «хорошего» или «доброго» человека, но, увы, выставило меня в таком свете, что меня можно было расценить как «темного», «злого» или «без всякой надежды когда-либо искренне стать хорошим».

ДЬЯВОЛ ЧЕЛОВЕК ЗАНЯТЫЙ

Плюс когда он покупал что-то новое или вычищал сарай для машины или чердак частенько у папани оставалось что-то уже

ненужное и он хотел от него избавиться но так как это была та еще волынка везти до свалки или комиссионки в городе он просто звонил и размещал объявление в городской газете Трейдинг Пост что отдаст за так. Хрень типа дивана или холодильника или старый культиватор. В объявлении было Бесплатно приходите и забирайте. Но даже так приходилось долго ждать пока хоть одна душа позвонит и это что-то валялось на дороге к дому и жутко бесило папаню пока наконец один-два горожанина не приходили к нему домой поглядеть. И они были все такие дерганые а лица ничего не выражали как при игре в покер и они ходили вокруг этого что-то и тыкали ногой и спрашивали Где взяли что с ним случилось почему так не терпится избавиться. Качали головами и спрашивали своих миссис и колебались там и бесили папаню ведь он только хотел отдать старый культиватор за так и убрать с дороги а теперь ему приходится тратить все время и втюхивать его этим. Тогда что он однажды начал делать если хотел избавиться от чего-то то размещал объявление в газете Трейдинг Пост и объявлял какую-нибудь дурацкую цену которую придумывал от балды прямо во время разговора с человеком из Трейдинг Пост. Какую-нибудь дурацкую цену почти за так. Старая Борона С Парой Зубцов Немного Ржавая $5, Софа JCPenny Желто-Зеленая $10 и все в таком духе. Тогда частенько народ стал позванивать в первый же день размещения объявления в Трейдинг Пост и приезжали из города и даже откуда подальше из других мелких городков где тоже есть Трейдинг Пост и разбрасывали весь гравий с дорожки и едва глянув на что-то начинали давить на папаню мол бери пять или десять баксов сразу пока другой народ на купил и если было что тяжелое например диван то я помогал грузить и они тут же забирали и срывали с места. Лица их были другие и лица их жен в грузовике, по-доброму улыбались ему приобняв миссис и махали папане пока выезжали. Радости полные штаны что купили старую борону почти за так. Я спросил папаню какой урок мы должны из этого усвоить и он отвечал Горбатого могила исправит и отправил выгребать гравий из канавы пока он слив нахер не забил.

ИПСИЛАНТИ МИЧИГАН (ОДНОВРЕМЕННО)

К: Чего хотят современные женщины. Сложный вопрос.
И: Согласен. Сложный, еще как. Это так называемый…
К: Или, другими словами, «что современные женщины

думают, что хотят» против «чего они хотят на самом деле глубоко внутри».

И: Или что думают, что должны хотеть.

Вопрос.

К: От мужчины.

И: От парня.

К: В плане секса.

И: В смысле ритуальных брачных танцев.

К: Может, это прозвучит по-неандертальски, но я буду настаивать, что это сложный вопрос. Потому что он весь превратился в такой бардак.

И: Можешь это смело повторить.

К: Потому что на современную женщину ложится беспрецедентный груз противоречий в том, что она должна хотеть и как она должна себя вести в плане секса.

И: Груз противоречий современной женщины, который они на себя взваливают, сводит их с ума.

К: Вот почему так трудно понять, чего они хотят. Трудно, но не невозможно.

И: Взять классическое противоречие Маддона-или-шлюха. Девочка или девка. Девушка, которую уважаешь и ведешь домой знакомить с мамой, или девушка, которую трахаешь.

К: Но не будем забывать, что поверх этого еще лежит новое феминистское-слэш-постфеминистское ожидание, что женщины тоже полноправные участники секса, как и мужчины. Нормально быть сексуальной, нормально присвистывать вслед мужской заднице и быть агрессивной и брать то, что хочешь. Нормально трахаться со всеми подряд. Для современной женщины почти что обязательно трахаться со всеми подряд.

И: И при этом под этим лежит старый слой уважаемая-девушка или шлюха. Нормально трахаться со всеми подряд, если ты феминистка, но и не нормально трахаться со всеми подряд, потому что большинство парней не феминисты, они не будут тебя уважать и не позвонят еще раз, если ты трахаешься со всеми подряд.

К: Делай, но не делай. Вилка.

И: Парадокс. Проиграешь в любом случае. А СМИ его поддерживают.

К: Можно представить груз внутреннего стресса, который давит им на психику.

И: Мы прошли большой путь, девочка моя, твою мать.

К: Вот почему так много из них свихнулись.

И: Сошли с ума из-за внутреннего стресса.

К: И это даже не их вина.

И: Кто бы не свихнулся из-за этого бардака противоречий в современной медиакультуре?

К: И дело в том, что очень трудно, когда, например, ты сексуально заинтересован в женщине, понять, что она на самом деле хочет от мужчины.

И: Полный бардак. Сам свихнешься, пока поймешь, что выбрать. Может, ей понравится, может, нет. Современная женщина — полный трындец. Это как решать дзен коан. Там, где вовлечены их желания, можно просто закрыть глаза и прыгать наугад.

К: Не согласен.

И: Я в переносном смысле.

К: Не согласен, что невозможно определить, чего они на самом деле хотят.

И: Вроде я не сказал, что это невозможно.

К: Хотя я согласен, что определить это в современной постфеминистской эре беспрецедентно трудно и требует серьезной дедуктивной огневой мощи и живого воображения.

И: В смысле, если б это было буквально невозможно — что бы с нами стало как с видом?

К: И я согласен, что нельзя полагаться исключительно на их слова о том, чего они хотят.

И: Потому что вдруг они это говорят только потому, что думают, что этого от них ждут?

К: Моя точка зрения — в основном можно вычислить, чего они хотят, в смысле, почти логически вывести, если попытаться понять их и понять их невозможную ситуацию.

И: Но нельзя просто следовать тому, что они скажут, это важно.

К: Здесь я уже согласился. То, что скажут, что хотят современные феминистки-слэш-постфеминистки — взаимности и уважения их индивидуальной независимости. Если будет секс, скажут они, то он будет по взаимному соглашению и желанию между двумя независимыми равными существами, в равной степени ответственными за их сексуальность и ее выражения.

И: Почти слово в слово как я от них слышал.

К: А это полная бредятина.

И: Они идеально усвоили этот жаргон расширения прав и возможностей, это факт.

К: Можно легко заметить, какая это бредятина, если помнить о вилке, которую мы уже обсуждали.

И: Не так трудно заметить.

Вопрос.

К: Что от нее ожидают сексуальную раскрепощенность,

независимость и уверенность в себе, и в то же время она еще помнит старую дихотомию «уважаемая-девушка или шлюха» и знает, что некоторые девушки позволяют использовать себя в сексуальном плане из-за низкой самооценки, и потому боится, что ее могут увидеть как такую безотказную жалкую женщину.

И: Плюс помните, что постфеминистка теперь знает мужскую сексуальную парадигму и что женщины в корне отличаются…

К: Марс и Венера.

И: Вот именно, точно, и она знает, что женщина запрограммирована природой относится к сексу как к чему-то важному и долгоиграющему и думать в категориях отношений, нежели разового перепихона, так что если она сразу же соглашается и трахается, то она сама считает, что ею в каком-то смысле воспользовались.

К: Поэтому, разумеется, нынешняя постфеминистская эра — еще и постмодернистская эра, в которой предположительно все знают психологию, все семиотические коды и культурные соглашения, и предположительно все знают, из каких парадигм все исходят, и теперь мы как личности куда более ответственны за нашу сексуальность, раз осознаем и понимаем все наши действия.

И: И в то же время она все еще под невероятным чисто биологическим давлением «найти самца, построить гнездо и размножаться», например, возьмите и прочтите эту книжку «The Rules»*(правила, селф-хелп книга)* и попробуйте объяснить ее популярность с другой точки зрения.

К: Суть в том, что женщины теперь должны быть ответственны и перед современностью, и перед историей.

И: Не говоря уже о чистой биологии.

К: Я уже включил биологии в категорию истории.

И: То есть ты говоришь об истории больше в духе Фуко.

К: Я говорю об истории как о наборе осознанных и намеренных человеческих реакций на целый ряд сил, которые включают и биологию, и эволюцию.

И: В общем, суть в том, что для женщин это невыносимое бремя.

К: На самом деле суть в том, что они просто логически несовместимы, эти две ответственности.

И: Даже если современность сама исторический феномен, как сказал бы Фуко.

К: Я просто говорю, что никто не может соблюдать два логически несовместимых предполагаемых вида ответственностей. Тут история не причем, только простая логика.

И: Лично я виню СМИ.

К: И какое же решение.

И: Шизофренический медиа-дискурс, как например «Космо»: с одной стороны будь свободна, с другой — обязательно найди мужа.

К: А решение — осознать, что современные женщины поставлены в невозможную ситуацию в плане их предполагаемой сексуальной ответственности.

И: Я могу купить бекон мм мм мм мм пожарить на сковороде мм мм мм мм *(реклама духов Энджоли, http://www.youtube.com/watch?v=jA4DR4vEgrs)*

К: И таким образом, они естественно будут хотеть того, чего бы хотел любой человек с двумя вечно взаимоисключающими друг друга ответственностями. То есть избавиться от них.

И: Спасательный люк.

К: В психологическом плане.

И: Черный ход.

К: Отсюда вечная важность — страсти.

И: Они хотят быть и ответственными, и страстными.

К: Нет, они хотят испытать страсть такую всеобъемлющую, ошеломляющую, мощную и непреодолимую, что та сотрет любую вину или напряжение, которые они чувствуют, когда предают свои ответственности.

И: Другими словами, они хотят страстного парня.

К: Они хотят потерять голову. Чтобы их сшибло с ног. Унесло на крыльях. От логического конфликта между ответственностями невозможно избавиться, но можно избавиться от постмодернистского осознания конфликта.

И: Сбежать. Отрицать.

К: Это означает, что глубоко внутри они хотят мужчину, который будет таким ошеломляюще страстным и мощным, что у них не будет выбора, что их чувства больше их обоих, что можно забыть, что есть вообще что-то похожее на постфеминистскую ответственность.

И: Глубоко внутри они хотят быть безответственными.

К: Пожалуй, в чем-то я соглашусь, хотя не думаю, что их можно за это винить, потому что, по-моему, это подсознательное желание.

И: Это своеобразный лаканианский крик в незрелом подсознании, как подсказывает психологический жаргон.

К: Я хочу сказать — оно и понятно, да? Чем тяжелее давят эти логически несовместимые ответственности на современных женщин, тем сильнее их подсознательное желание ошеломляюще мощного, страстного мужчины, который поможет отбросить их смысловую вилку как неважную, ошеломив их страстью так, что

они позволят себе поверить, что ничего не могут поделать, что секс больше не вопрос сознательного выбора, за который они ответственны, что если кто-то и несет здесь ответственность, так это мужчина.

И: Что объясняет, почему чем фанатичнее так называемая «феминистка», тем сильнее она на тебя вешается, когда с ней переспишь.

К: Не думаю, что соглашусь.

И: Но это значит, что чем фанатичнее феминистка, тем более благодарной и зависимой она станет, когда покатаешь ее на белом коне и освободишь от ответственности.

К: Я не согласен с «так называемой». Не верю, что современные феминистски сознательно лгут в своих речах о независимости. Как не верю, что только они виноваты в своей ситуации с вилкой. Хотя глубоко внутри, пожалуй, я согласен, что женщины исторически не готовы брать ответственность за себя.

Вопрос.

И: Я так понимаю, никто не знает, где тут комната для мальчиков?

К: Я говорю не в плане «очередной-самец-неандерталец-аспирант-показал-женщинам-место-потому что-слишком-боится-признать-их-сексуальную-независимость». И я на костер пойду, чтобы защитить их от презрения или обвинений в том, что они попали в такую ситуацию.

И: А то скоро надо ответить на зов природы, если вы понимаете, о чем я.

К: В смысле, даже если просто взглянуть на эволюционный аспект, то придется согласиться, что определенный недостаток независимости-слэш-ответственности был для первобытных человеческих самок очевидным генетическим преимуществом, так как слабое чувство независимости приводило первобытную самку к первобытному самцу в поисках пищи и защиты.

И: Тогда как более независимые самки типа бутч охотились одни, по сути, конкурируя с самцами.

К: Но дело в том, что именно менее самостоятельные и менее независимые самки находили партнеров и размножались.

И: И растили потомство.

К: И таким образом сохраняли вид.

И: Естественный отбор поощрял тех, кто находил партнеров, а не уходил на охоту. В смысле — много вы видели наскальных рисунков с охотницами?

К: Но стоит заметить, что исторически, как только слабая в кавычках самка находила партнера и размножалась, она часто проявляла невероятное чувство ответственности, если дело

касалось ее потомства. Не то чтобы у женщин вообще не имели ответственности. Я вовсе не это имею в виду.

И: Из них получаются чудесные мамы.

К: Мы говорим только, что у одиноких взрослых еще не родивших самок их генетическая-слэш-историческая способность к независимости, она же ответственность за себя, заключалась в отношениях с самцами.

И: Эволюция это из них вывела. Взгляните на журналы. Взгляните на любовные романы.

К: Если вкратце — чего хочет современная женщина, так это мужчину со страстной чувствительностью и дедуктивной огневой мощью, чтобы понять, что все ее заявления о независимости на самом деле отчаянные крики в безвыходном лабиринте смысловой вилки.

И: Все они этого хотят. Только не говорят.

К: И ставят нас, современных заинтересованных мужчин, в парадоксальную роль почти что их терапевта или священника.

И: Они хотят отпущения грехов.

К: Когда они говорят «Я сама по себе», «Мне не нужен мужчина», «Я несу ответственность за свою сексуальность», по сути они говорят, что хотят, чтобы ты помог им об этом забыть.

И: Они хотят спасения.

К: Они хотят, чтобы на одном уровне ты искренне согласился и уважал их слова, а на другом, более глубоком, понял, что это полная бредятина и прискакал бы на своем белом скакуне и ошеломил их страстью, как мужчины делали с незапамятных времен.

И: Вот почему нельзя принимать их слова за чистую монету, а то свихнешься.

К: В основном это все тот же сложный семиотический код, где новые постмодернистские семы независимости и ответственности заменяют старые домодернистские семы рыцарства и ухаживания.

И: Слушайте, мне уже правда надо напоить своего скакуна.

К: Единственный способ не запутаться в коде — подходить ко всему вопросу логически. Что она говорит на самом деле?

И: Нет значит да, но еще значит и нет.

К: Я хочу сказать, способность к логике — вот что нас всегда отличало от животных.

И: И кстати, без обид, но логика — не самая сильная женская сторона.

К: Хотя если вся ситуация с сексом алогична, совершенно не имеет смысла обвинять современную женщину в отсутствии логики или за постоянный шквал парадоксальных сигналов.

И: Другими словами, они не ответственны за то, что не

ответственны, говорит К.

К: Я говорю, что это запутанно и трудно, но если применять мозг — то не невозможно.

И: Потому что помните вот о чем: если бы это было реально невозможно, что бы случилось с нашим видом?

К: Жизнь всегда найдет дорогу.